
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Г.Г. Татарова
(Москва)

МЕТОДОЛОГИЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются факторы развития методологии эмпирической социологии. Выделяются позитивные и негативные аспекты, свойственные ряду факторов по их последствиям для социологического общества. Вводятся новые факторы развития методологического знания, связанные с принципами его интеграции и относящиеся к области методологии анализа социологических данных.

Ключевые слова: методология эмпирической социологии, факторы развития, методы социологических исследований, методологическая травма, интеграция знания, методология анализа данных, язык социологического исследования, принципы интеграции, аналитическая социология.

Постановка исследовательской задачи

В преддверии III Всероссийского социологического конгресса, в год социологии, 50-летия Советской социологической ассоциации / Российского общества социологов, 40-летия Института социологии РАН подводятся итоги деятельности, анализируются достижения, намечаются перспективы развития отечественной

Галина Галеевна Татарова – главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор социологических наук. E-mail: tatarova@isras.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 06-06-80253, осуществляемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

социологической мысли. Если исходить из юбилейных дат, то итоги достаточно внушительные как в количественном, так и качественном смысле. Издаются различные по проблематике социологические журналы, проводится огромное количество эмпирических исследований, число диссертаций и опубликованных книг растет в геометрической прогрессии, существует довольно много диссертационных советов, кафедр, факультетов социологического профиля и т.д. Вместе с тем, если исходить из современных требований к *социологическому объяснению* разных видов реальности, то можно констатировать, что процессы, протекающие в нашей науке, носят достаточно противоречивый характер.

На теоретическом уровне – это существование *«эпистемологической дилеммы»*, под которой, например, Дж. Александер понимает ситуацию выбора исследовательской позиции: «В одном случае знание о мире не зависит от социальной позиции и интеллектуальных запросов познающего субъекта, и тогда общая теория и универсальное знание существуют; в другом – знание оказывает воздействие на его отношение к познающему субъекту, и в результате возможно только релятивистское и партикуляристское знание» [1, с. 168]. Дж. Александер обосновывает необходимость поиска *присутствующего разума* для определения судьбы общей социологической теории и разрешения проблемы существования *опасности* эпистемологической дилеммы.

На уровне эмпирической социологии и инструментальных средств познавательной деятельности противоречивость связана с амбивалентностью, присущей многим факторам развития *методологии эмпирической социологии*, особенность которой не только в том, что она тесно связана со всеми предметными полями, но и в универсальности накопленных в ней знаний, использование которых обеспечивает *методологическую культуру* эмпирических исследований. Эта методология понимается в статье как рефлексия (учение) относительно всей совокупности инструментальных средств, включая и логические схемы умозаключений, существу-

ющие в социологических теориях, возможно и идейно-устаревших, например, метод идеальных типов М. Вебера, причинный анализ Э. Дюркгейма и т.д. В этом смысле наша трактовка относится к мезоуровню понимания методологии (макроуровень включает и специальные социологические теории, микроуровень – только методы сбора, анализа и интерпретации данных).

Отсутствие должного внимания к факторам развития может привести в перспективе к понижению доверия к социологии как науке в целом, а также невозможности использования накопленного в методологии знания на практике. Амбивалентность факторов становится очевидной при обращении к специфике функционирования профессионального социологического сообщества как особого вида реальности. Его существование, деятельность и потребности являются *базовым фактором* развития методологии. Но наше сообщество неоднородно, включает разных по типу исследователей, которые могут быть выделены по различным основаниям и, в частности, в зависимости от их *представлений о методологическом знании* (оценки состояния методологии, факторов ее развития, возможностей использования), а также от степени включенности в производство такого знания. Парадоксальным образом факторы развития методологического знания приобретают негативные аспекты для большинства исследователей, но для каждого типа исследователей по-разному. В этой связи имеет смысл выделить их.

К *первому типу* отнесем методологов и методистов. Но нас интересует только часть из них, а именно та, которая на основе поисковых исследований (тестирования вопросов, апробации различных инструментальных средств и, в том числе, методов измерения и математического анализа данных) производит знание теоретико-методического характера. Эти исследователи выступают за расширение совокупности методов, за комплексное их применение, за то, чтобы использовать адекватные вопросы и методы и т.д. Каждый из них видит по-своему развитие методологического зна-

ния. Следует подчеркнуть, что этому типу в России характерна редко встречающаяся *методологическая толерантность*. Может потому, что нас (автор статьи относит и себя к этому типу) недопустимо мало. *Второй тип* – социологи, проводящие массовые опросы, масштабные по задачам и объему. Они активно используют методологическое знание (в ряде случаев порождают его). Массовый опрос диктует свои правила, и применение такого знания происходит по резко усеченной схеме. Социологи этого типа мыслят признаками, их интересуют простота эмпирических индикаторов и их коммуникативная адекватность, репрезентативность выборок и т.д. В концептуальную схему исследований редко закладывается *логика анализа*, объяснительные модели, результаты – метаописания. Исследователям этого типа присуща рефлексия о социальных проблемах, а не социологических (профессиональных). *Третий тип* – исследователи, работающие в основном в рамках качественной методологии. Это специалисты в сфере глубоких интерпретаций, поиска новых методов анализа текстов, хотя обобщение их результатов на большие сообщества невозможно. Вне зависимости от аналитической триангуляции текстов различного вида свободных интервью, субъективизм интерпретаций неизбежен. *Четвертый тип* – специалисты по математическому моделированию (сетевому, имитационному и т.д.) и применению математических методов многомерного анализа. Для них важны *методная модернизация*, расширение инструментальных средств, адекватность методов. Но, например, для части из них («модельеров») проблем измерения не существует. *Пятый тип* – это особый тип, самый распространенный. Социологи этого типа конструируют исследования на основе логики подражательного поведения, глубокая научная рефлексия им не свойственна, они не могут воспользоваться методологическим знанием в полной мере (причин тому много, и они относятся не только к отсутствию методологической культуры).

Выделенные типы носят идеальный характер, но они важны как для осмысления факторов развития методологического зна-

ния, их позитивного и негативного влияние на уровень методологической культуры исследований, так и анализа распространенности *методологической травмы*. Это понятие было введено нами для обозначения ситуации *растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов и в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности* [2]. Травма соотносится со всеми типами исследователей, но в основном ее испытывают потребители методологического знания.

Понятие травмы – социологическая абстракция, возможно и лишено полноты содержания, но адекватно смыслу, что и является целью¹ образования понятий в социологии [3, с. 92–93]. Методологическая травма является разновидностью культурной травмы², специфическим образом проявляющейся в социологическом сообществе. На индивидуальном уровне ее испытывают исследователи в разной степени, включая и ситуацию «не испытывают», если исходить из субъективных представлений (исследователей первого, третьего и четвертого типов). В любом случае она носит латентный характер, на уровне вербального поведения редко артикулируется. Для наших целей важен коллективный и исторический уровни (по терминологии П. Штомпки). С последним из этих уровней соотносится и теория травмы, активно разрабатываемая с позиции информационного взрыва и травмы постмодерна [5]. В этом смысле методологическая травма – психологический феномен, связан-

¹ Вряд ли такая цель правомерна в рамках эмпирических социологических исследований. Разработка концептуальной схемы любого исследования предполагает не только введение системы понятий, но и их экспликацию для перехода к эмпирически интерпретируемым конструктам.

² Например, П. Штомпка выделяет три уровня культурной травмы: уровень индивидуальных биографий, коллективные травмы (утрата групповой идентичности), исторические [4, с. 477]. Последняя разновидность относится к ситуации, когда травме подвергаются целые сообщества – от этнических групп до человечества в целом.

ный с пониженной смысловой чувствительностью (*человек не успевает за человечеством, социолог не успевает за социологией*). Это в равной мере относится ко всем типам исследователей.

Практическая целесообразность понятия методологической травмы обусловлена и сохранением групповой идентичности, и демаркацией знания в социологии, и осмыслением структуры языка социологического исследования и т.д. Методологическая целесообразность – в обосновании необходимости интеграции знания, понимаемой не как стремление к его единству, а как упорядочение, структурирование знаний о *средствах познавательной деятельности* социолога. Методологическая ткань социологии не должна быть разорвана на куски, хотя и окрашена в разные цвета. Методологическая травма проявляется и в понятийном релятивизме, и в изыществе жонглирования понятиями, где иногда теряется смысл оппозиции «*означающее – означаемое*», и в методологическом анархизме и т.д.

Введение типов исследователей важно для артикуляции новых факторов развития методологии, проистекающих из необходимости *интеграции* методологического знания, опираясь на базовый концепт «*язык социологических исследований*», что и является нашей исследовательской задачей.

Факторы развития методологического знания

Такие факторы делятся на два класса: непосредственно или опосредованно влияющие на развитие знания. К первому относятся те факторы, которые вытекают, прежде всего, из научного интереса исследователей первого типа и обусловлены перманентным состоянием конструирования проблем в структурных элементах методологии. Факторы могут анализироваться отдельно для каждого из таких элементов:

– эмпирическая интерпретация концептов (модель изучения, введения эмпирических индикаторов, их когнитивный анализ);

- формирование выборки, ее дизайн и т.д.;
- методы сбора информации, включая виды опроса, методы измерения в их узкой трактовке (в широком смысле можно говорить об измерении общественного мнения, группового сознания и т.д.);
- методы анализа данных, включая тексты разного вида свободного интервью:
- методы математической формализации, включая и математическое моделирование.

Каждый структурный элемент (их можно выделить и по другой схеме) усложняется, предопределяя экстенсивное и интенсивное развитие методологического знания. Такое развитие имеет негативный для большинства социологов аспект – *социолог не успевает за социологией* (в смысле методологией). Как ни странно, это относится и к исследователям первого типа. Например, специалисты по фокус-группам не являются таковыми в области массовых опросов, а по сетевым методам – в области имитационного моделирования и т.д.

Остальные факторы развития знания носят опосредованный характер, влияют на непосредственные, увеличивая число структурных элементов методологии, дифференцируя методологическое знание как целостное образование. Обратимся к тем факторам, которые носят амбивалентный характер по последствиям для социологического сообщества в целом, и рассмотрим основные из них.

1. *Атомизация проблемного поля.* Под этим фактором мы понимаем расширение круга социальных проблем и видов реальности (интернет-сообщества, новые молодежные и религиозные движения и т.д.), а не социологических (профессиональных). С одной стороны, такое расширение приводит к появлению новых и усложнению известных моделей объяснения социальных феноменов и, как следствие, к введению в практику социологических исследований оригинальных методов. Новые концептуальные модели дают импульс развития структурным элементам методологии, и это, бе-

зусловно, позитивный аспект рассматриваемого фактора. С другой стороны, необоснованное тиражирование частных методологий, исходя из тезиса, что каждая предметная область уникальна и имеет собственную методологию, замыкание на «*своих*» – безусловно, негатив. Атомизация ведет к «*фракционализации*» социологического сообщества, под которой мы понимаем особую форму групповой идентичности. Это не столько локализованность сообщества, сколько замыкание на «*своих*» и неприятие «*других*», «*чужих*», а также желание сохранить монополию на предметную область. Фракционность приводит к тому, что знания из одной предметной области социологии с трудом пробиваются в другие области. Как это ни парадоксально, процесс междисциплинарного проникновения знаний протекает намного быстрее и легче, чем внутри социологии, не исключая и методологию эмпирической социологии. Возможно, это связано с тем, что в роли познавательных средств социолога выступают самые разнообразные методы из разных областей науки. Если социологические теории не считать инструментальными средствами, то сугубо социологических методов не существует. Любой метод, применяемый социологом, носит междисциплинарный характер, но это не исключает социологической специфики его применения. Восторг одних исследователей (первого, третьего и четвертого типов) от увеличения числа методов не разделяется другими (второй и пятый типы).

2. *Понятийная модернизация.* Она имманентно присуща всем типам исследователей, включая и первый. Разумеется, введение новых концептов (социальный ресурс, габитус, симулякры и т.д.), усложнение моделей изучения различных феноменов, привлечение новых исследовательских программ (по Лакатосу) – безусловный позитивный фактор. Понятийная модернизация способствует развитию методологического знания в нашем понимании, ставя задачи эмпирических интерпретаций новых концептов. Что касается негативного аспекта, то он связан с чрезмерным расширением объема понятий. Как известно, и упрощение, и чрезмер-

ное расширение ведут к вырождению понятия. Новые концепты вводятся как метафоры, исследователи порой ими жонглируют, теряется их смысловая чувствительность. Зачастую видение социальных проблем заменяет их глубокое изучение. К этому следует добавить и существующую иллюзию полипарадигмальности в эмпирических исследованиях.

3. *Институционализация качественной методологии.* С одной стороны, эта методология ввела в социологический дискурс массу новых весьма полезных понятий, постановок исследовательских задач, методов анализа нарративов и т.д. И в то же время она породила: интолерантность исследователей, не вполне корректные по форме дискуссии о качественной и количественной стратегиях (методологиях), моду на открытые вопросы и слишком «мягкие» (без обозначения границ адекватности) модели социологического объяснения. Корни этих явлений лежат в существовании «эпистемологической дилеммы», о чем говорилось выше. В идеальном случае специфика двух исследовательских позиций на эмпирическом уровне описывается посредством оппозиций:

- микроуровень – макроуровень описания и объяснения изучаемых феноменов;
- в одном случае индивид как социальный тип уникален, в другом – является лишь носителем информации о социальном типе и отсюда взаимозаменяемость индивидов при формировании выборки;
- одни исследователи – профессионалы в сфере интерпретаций, а другие – в умении конструировать вопросы и проводить измерения;
- в одном случае опасность локальности выводов, а в другом – глобальности.

Перечень можно продолжить, но, на наш взгляд, противостояние методологических подходов существовало, существует и будет существовать. Другой вопрос, представляет ли это угрозу

развития методологии как целостности. Думается, что нет, но при условии *методологической толерантности* исследователей. Имеется в виду не только принятие «*другого*», понимание права на его существование на уровне социального поведения, но и установка на возможность использования языковых конструктов *другого* в своем творчестве.

4. *Математизация социологии*. Как ни парадоксально, и здесь возникают негативные аспекты. И это несмотря на то, что математическая культура во многих исследованиях весьма низка. В современных реалиях ее трудно повысить в силу обширности методов математической формализации. Тогда появляется *мода на методы*. То социологи увлекаются использованием методов факторного анализа, то кластерного анализа, то логистической регрессией. При этом в публикациях зачастую не обсуждаются вопросы адекватности и границ интерпретируемости эмпирических закономерностей. Такой уход в локальность нередко приводит к описаниям (качественным или количественным – это неважно) без глубоких обобщений и ссылок в одном случае на «*мир такой, каким мы его видим*», а в другом на «*мир такой, каким хочется его видеть*». В первом случае можно говорить о диагностике без модели, во втором – на модели.

Увлечение компьютерным моделированием у исследователей первого типа также имеет ряд негативных последствий. Возникает *логика кнопочного моделирования*, когда синтаксис преобладает над семантикой, а наглядность процесса заменяется установкой на получение нового знания простым (и доступным в современных реалиях) «нажатием» на кнопки компьютера.

5. *Накопление данных и их архивирование*. Положительными аспектами этого фактора служит появление современных технологий особого вида анализа – *Data Mining*, проявившие свою эффективность в поиске сложных эмпирических закономерностей на больших совокупностях данных, возможности вторичной концептуализации. Вместе с тем, неполнота архивов, их недоступ-

ность на практике, недоиспользование ресурса социологических исследований – негативные аспекты для развития методологии.

Перечень факторов, влияние которых носит амбивалентный характер, можно продолжить, включив и безмерное расширение профессионального образования при отсутствии необходимых кадров для преподавания дисциплин методологического характера, и специфику конструирования социальных и социологических (профессиональных) проблем и т.д. Число факторов не имеет особого значения для наших целей – осмысления необходимости введения новых факторов, которые могли бы дать существенный кумулятивный эффект для всех типов исследователей.

О новых факторах развития методологического знания

Дифференциация социологического знания – универсальная тенденция и закономерность, а интеграционные процессы носят локальный и временный характер. Локальность предполагает обозначение поля, на котором она возможна, и определение того, о какого рода интеграции может идти речь. Артикуляция проблематики интеграции продиктована и методологической травмой, и ситуацией в области профессионального социологического образования. С одной стороны, социологическое мышление студента должно формироваться на основе целостного представления о структуре социологического знания. С другой стороны, эта цель недостижима, ибо современное социологическое знание – явление сложное и неуловимое в своем единстве. Возникает вечный вопрос: «Что делать?» Если считать интеграцию методологического знания мифом, то не только не существует ответа на этот вопрос, но и сам вопрос неуместен. Но если исходить из того, что центробежные и центростремительные тенденции в развитии любой системы знаний переплетены, то постановка задачи поиска ответа на этот вопрос вполне корректна, например, в контексте преподавания дисциплин методологического профиля.

Интеграционные процессы перманентно происходят в различных областях социологии. Они опираются в основном либо на сравнительный анализ социологических теорий [6; 7], либо на стратегии совмещения теоретических подходов в эмпирическом исследовании [8, с. 79–83], либо на описание теорий какого-то социального феномена [9; 10]. Существуют попытки систематизации теоретического знания и как целостности. Что касается методологии эмпирической социологии, то *интеграционные процессы*, на наш взгляд, могут развиваться на основе: изучения взаимоотношенности, взаимоопределенности средств познавательной деятельности, рассмотрения строения языка социологического исследования как системы, уточнения целого ряда понятий методологии эмпирической социологии, таких как метод, репрезентативность, гипотеза и т.д., осмысления идей комплексного применения методов и так называемого *методического симбиоза* (гибридизация методов для нивелирования их недостатков, например, метод номинальных групп) и т.д.

Исходим из того, что в развитии методологического знания должны наблюдаться два цикла с разной периодичностью. *Первый* из них связан с расширением проблемного поля эмпирической социологии и тем самым с усилением феномена мозаичности за счет введения в арсенал средств социологического исследования новых подходов и методов (*методная модернизация*), что и наблюдается в современных реалиях. Однако это благо с течением времени грозит превратиться в свою противоположность, например, порождая глухоту исследователей даже первого типа, не говоря уже о тех, кто работает в различных методологических стратегиях. Тогда необходимым образом возникает *второй* цикл – переосмысление накопленного знания на основах ранее неизвестных или известных, но не ставших достоянием практики проведения социологических исследований. Это неизбежно ведет к локальной интеграции. Ниже приводятся ее принципы, каждый из которых может трактоваться как особый фактор развития методологического знания.

Первый принцип. Суть этого принципа заключается в различении макро-, мезо- и микроуровней в рефлексии по поводу методов социологического исследования. Представляется очевидным, что интеграция невозможна без изучения взаимообусловленностей, взаимодействий методов. Вопрос в том, каких? Если обратиться к разным трактовкам понятия «метод», то обнаруживается огромное их число. Под методом мы будем понимать совокупность *средств познавательной деятельности*, направленных: на сбор и интерпретацию данных, на измерение и математический анализ, на описание, объяснение и прогнозирование изучаемых социальных феноменов (явлений, объектов, процессов) или фрагментов социальной реальности в контекстах ее существования или конструирования людьми. В рамках эмпирического исследования – это *логически взаимосвязанная* совокупность средств, регулирующих процесс социологического познания, определяющих архитектуру исследования, составляющих его методологию.

В социологических исследованиях используется широкий диапазон методов, включая общенаучные и междисциплинарные. Роли методов исследования выступают и теоретические модели объяснения социальных феноменов, и инструментальные средства их изучения. Методы различаются в зависимости от их уровня абстрактности, степени формализованности, роли и места в социологических исследованиях и т.д. Универсальной классификации методов не существует, но она возможна по разным основаниям, например, в зависимости от этапов эмпирического социологического исследования. Тогда методы подразделяются на те, которые применяются на этапах концептуализации, сбора эмпирических данных, анализа данных. В качестве оснований классификации могут выступать и характер объяснительных моделей, и источники *языковых конструктов исследования*, и форматы существования социологических данных и т.д. Классификацией, приближенной к универсальной, является та, при которой сово-

купность методов интерпретируется как целостность, система, структура которой определяется источниками языковых конструкций исследования, ибо проблематика методов непосредственно связана с концептом «язык социологического исследования».

Структуру *языка* можно связать с выделением горизонтального и вертикального строения понятийного аппарата исследования, с соотношением концептуальных и операциональных переменных. Возможно и основание, опирающееся на трактовку *языка* как системы вложенных и рядоположенных подсистем языковых конструкций. Источником отдельной подсистемы является вполне определенный класс методов. Такая классификация приводится ниже, где отнесение отдельного метода к определенному классу (источнику) в ряде случаев неоднозначно, некоторые классы пересекаются.

1. *Общенаучные методы познания.* К ним относятся метод гипотез, аксиоматический, сравнительно-исторический, идеографический, номотетический и т.д. Моделирование, анализ, синтез, аналогия, идеализация, индукция, дедукция, абдукция являются также примерами общенаучных методов познания.

2. *Теоретические построения парадигмального характера* (метод Декарта, метод Бэкона, метод Дюркгейма, метод Вебера, метод Бурдьё и т.д.). Уровень абстрактности методов данного класса ниже, чем первого. Употребление термина «метод» весьма условно и обозначает концепцию, методологию. В этот класс методов можно отнести и теоретические модели объяснения социальных феноменов в специальных социологических теориях.

Примером пересечения этих двух классов является метод идеальных типов Вебера. Следующие три класса методов также имеют подобные пересечения.

3. *Инструментальные подходы* к изучению социальных феноменов (метод опроса, метод фокус-групп, биографический метод, анализ социальных систем, моделирование социальных процессов, анализ социальных сетей и т.д.).

4. *Инструментальные подходы* к процедуре сбора эмпирических данных (анкетирование, интервью, наблюдение, анализ документов, экспертные оценки и т.д.).

5. *Методики сбора данных*, включая приемы измерения (метод запечатанного буклета, проективные методы, метод парных сравнений, шкала суммарных оценок, метод репертуарных решеток и т.д.). К этому классу условно можно отнести и методы когнитивного анализа вопросов.

6. *Методологии анализа данных*, такие как типологический анализ, причинный анализ, факторный (факториальный) анализ.

7. *Методы математической формализации*, включая методы анализа данных (дескриптивная статистика, кластерный анализ, дискриминантный анализ, факторный анализ, регрессионный и т.д.), методы проверки статистических гипотез, методы математического моделирования. Математические методы формирования выборочной совокупности также входят в этот класс.

8. *Методы анализа текстовой информации* (дискурс-анализ, конверсационный анализ, контент-анализ качественный и количественный, транзакционный анализ и т.д.).

Некоторые из этих классов имеют сложную структуру, ибо в них входят разноплановые методы. Тем самым в таких классах могут быть выделены отдельные группы методов по некоторому вполне определенному основанию. Таких оснований может быть несколько.

Каждый тип социологического исследования детерминирует выбор совокупности методов. Как известно, в исследованиях, опирающихся на массовый опрос, необходимы: методы когнитивного анализа вопросника, методы формирования выборочной совокупности, методы сбора эмпирических данных, методы измерения, методы дескриптивной статистики, методы проверки статистических гипотез, методы многомерного математического анализа.

Процедура выбора методов включает осмысление адекватности методов и их взаимообусловленности. Возможна параллель-

ная и последовательная стратегия использования методов. Например, для получения обоснованных выводов применяется процедура *методной триангуляции* – использования нескольких методов для изучения одного и того же социального феномена.

Для наших целей полнота предложенной классификации не столь важна для иллюстрации возможных и имеющих смысл взаимосвязей методов. Может показаться странным включение в этот перечень первых двух классов методов, но они в определенной степени являются также инструментальными, ибо позволяют выстраивать когнитивную карту исследования, логическую схему анализа социальных феноменов.

Изучение взаимосвязей методов возможно как в вертикальном (между методами разных классов), так и горизонтальном (в рамках одного класса) срезах. На наш взгляд, особый смысл имеет рефлексия о взаимообусловленности методов на трех уровнях (макро-, мезо- и микро-). К микроуровню относим взаимодействие методов внутри класса (за исключением методов второго класса), например, методов сбора эмпирических данных, методов анализа данных. На макроуровне, по-видимому, должна анализироваться взаимообусловленность всех классов методов. Практически это возможно лишь для отдельных видов вертикальных связей. Мезоуровень – это также вертикальные связи, исключая методы второго класса. Предметом нашего рассмотрения является именно мезоуровень. Тогда и появляется возможность введения второго принципа развития интеграционных процессов.

Второй принцип. Понятия «*анализ социологических данных*» и «*измерение в социологии*» являются базовыми категориями эмпирической социологии. Они в определенной степени взаимозаменяемы. Например, методы многомерного шкалирования, с одной стороны, трактуются как класс методов математического анализа, а с другой, как методы измерения. Коэффициенты корреляции, являясь инструментом анализа данных, могут трактоваться и как методы измерения связи между признаками. Метод семан-

тического дифференциала Ч. Осгуда можно интерпретировать и как способ измерения (определение размерности пространства восприятия объектов), и как метод классификации объектов, и как некий подход к изучению образов, опирающийся на жесткую модель. Примеры можно продолжить. Но ясно одно, что на практике часты ситуации, когда:

«модель изучения...» = «модель измерения...» = «модель анализа...»

Взаимозаменяемость понятий происходит в основном при рассмотрении многомерных подходов к измерению и анализу. Измерение может трактоваться в широком смысле как обобщенное, и тогда эмпирическое исследование в целом является измерением фрагмента социальной реальности [11] и не случаен широко распространенный термин «*измерение общественного мнения*». В этом случае любой подход к анализу данных, включая и так называемые методы математического моделирования, носят соподчиненный «измерению» характер. Вместе с тем, и анализ может включать все приемы и методы измерения, если его трактовать несколько шире, чем это традиционно принято, как «анализ данных». Отсюда вывод о существовании двух направлений развития интеграционных процессов в методологии эмпирической социологии в зависимости от того, *измерение* или *анализ* берется за основу. Это положение можно рассматривать в качестве *второго принципа* интеграции знаний.

Второе направление, на наш взгляд, представляется более перспективным, ибо в большей степени способствует систематизации методов на мезоуровне. Более того, становится возможным введение третьего принципа как фактора развития методологического знания.

Третий принцип. Проблематика, связанная с анализом социологических данных, корнями уходит в осмысление концепта «язык социологического исследования». Как известно, под ним понимается совокупность языковых конструкторов (понятий, категорий,

конструкций), необходимых для выстраивания архитектоники эмпирического социологического исследования. Существуют различные контексты рассмотрения структуры такого языка. Например, один из них связан с выделением горизонтального и вертикального строения понятийного аппарата исследования. Другой контекст – с соотношением концептуальных и операциональных переменных [12, с. 32–43], где под переменной понимается любое средство, с помощью которого проводятся различия между объектами наблюдения. В любом контексте остается верной идея П. Лазарфельда о понимании методологии эмпирической социологии как структуры языка исследований [13].

Для развития социологической методологии в широком смысле представляется перспективным рассмотрение структуры языка социологического исследования как некой *открытой системы*, часть подсистем которой рядоположена, а часть – вложена друг в друга. Среди них возможно выделение тех подсистем, которые непосредственно связаны с процедурами анализа данных. Речь идет о конструктах, имеющих внепредметный характер. Такого рода подсистемы составляют *язык анализа данных*. Каждая подсистема такого рода порождает особую часть этого *языка*. Тогда суть рассматриваемого нами принципа сводится к выделению таких частей языка и исследованию их структуры. Попытаемся это обосновать.

Языковые конструкты анализа в первую очередь предопределены существованием особого рода методологий (типологизация, факторизация и т.д.) и лишь во вторую – математическими конструктами (формулами, методами, моделями). Они порождаются общенаучными методами познания и позволяют сконструировать в эмпирическом социологическом исследовании логическую схему анализа данных в соответствии с исследовательской ситуацией. Имеет особый смысл обозначать такие методологии *метаметодиками* (методика конструирования методик) анализа данных и в качестве таковых выделить *типологический анализ, фактор-*

ный (*факториальный*) анализ и *причинный анализ*. И это не случайно, ибо поиск знаний о типах социального, о социальных факторах, описывающих и объясняющих изучаемые феномены, о причинно-следственных отношениях социальных явлений – *базовые задачи* эмпирических социологических исследований вне зависимости от *методологических предпочтений* исследователей.

Это утверждение позволяет обосновать роль метаметодики как одного из средств построения архитектоники социологического исследования, средства концептуализации. Такого рода обоснования фрагментарно представлены в наших работах [14; 15]. Возможно, что термин «*метаметодика*» не вполне удачен для переосмысления всех перечисленных выше видов анализа. Вместе с тем, эта социологическая абстракция имеет смысл, ибо речь идет о процедурах, опираясь на язык которых можно конструировать методики проведения различных видов анализа. В отдельном социологическом исследовании виды анализа пересекаются, но один из них всегда играет заглавную роль, является основным, а другие – вспомогательную роль [15, с. 200–209].

Каждой метаметодике можно поставить в соответствие систему *языковых конструктов*, которая внутренне непротиворечива, достаточно полна, открыта для дополнения новыми понятиями и экспликации понятий в нее входящих. Тем самым метаметодика порождает вполне определенные языковые конструкты языка анализа. Они представляют собой некую целостность, которая выступает как особый *язык анализа данных*, имеющий непредметный и «надматематический» характер. Но это при условии, если в этой системе имеются языковые конструкты для проведения, например, типологизации и факторизации в любых исследовательских ситуациях.

Метаметодика выступает как оболочка анализа, диктуя логичку умозаключений на основе своих языковых конструктов.

Четвертый принцип. Этот принцип является дополнением к предыдущему, и его введение позволяет артикулировать направ-

ления изучения отдельных видов анализа и соответственно подсистем языка социологического исследования.

Система языковых конструкторов метаметодики имеет сложный характер. В ней, как минимум, должны выделяться экзогенные и эндогенные понятия. Особенность первых в нецелесообразности их эмпирической интерпретации. К таким понятиям в типологическом анализе относятся: *дефиниция типологического анализа, цель его проведения, тип, типология, типологический синдром*. В факторном (факториальном) анализе экзогенными являются следующие понятия: *дефиниция факторного анализа, цель его проведения, фактор, факторный синдром*.

Существует особый смысл во введении понятий типологический и факторный синдромы. Под синдромом¹ понимается совокупность эмпирических закономерностей, обнаруженная в процессе анализа данных. Она существует в качественной или количественной формах, имеет простой или сложный вид. Опираясь на эту совокупность, можно сформулировать гипотезы о существовании типов социального или социальных факторов. Иначе говоря, синдромы – это типы или факторы с размытыми границами и выделяются они в следующих исследовательских ситуациях. Первая – априорная модель о структуре результата отсутствует, т.е. диагностика осуществляется без модели. Вторая – априорная модель может быть задана (например, в форме какой-либо математической модели), но она одна и жестко задана, т.е. диагностика осуществляется на единственной модели. Но в том и другом случае в рамках отдельного исследования отсутствуют основания для того, чтобы считать, что полученные эмпирические закономерности свидетельствуют о наличии типов социального,

¹ Традиционно термин «синдром» (совокупность симптомов) используется для описания социальных явлений негативного характера [16]. Нам представляется возможным его расширительная трактовка в словосочетаниях: типологический синдром, факторный синдром, причинный синдром.

социальных факторов. В этих случаях корректнее говорить об обнаруженных типологических и факторных синдромах, а не о построении типологии или выявлении факторов, как это традиционно принято в эмпирических исследованиях.

На примере типологического анализа нами [15] обосновано введение непротиворечивой, достаточно полной, открытой для дополнений (например, для случая анализа текстовых данных) системы языковых конструктов, а также предложена логическая схема этого вида анализа на разных классах исследовательских практик (но не для всех из упомянутых ниже классов).

Совокупность эндогенных понятий метаметодики сложно организована, но среди них есть особая группа, которую имеет смысл обозначать как *основные понятия*. Их специфика в том, что они наряду с экзогенными являются *инвариантами* относительно классов исследовательских практик анализа данных. Заметим, что введение таких классов составляет суть *пятого фактора* развития методологического знания.

Среди эндогенных понятий присутствуют и те, которым в соответствие можно поставить и математические конструкты. Но важно, что ни один класс математических методов не может претендовать на то, чтобы называться метаметодикой.

Пятый принцип. Как отмечалось, часть языковых конструктов метаметодики являются *инвариантами* относительно всех классов исследовательских практик анализа социологических данных. Их смысловая нагрузка одна и та же во всех случаях. Но понятие *исследовательская практика* необходимо не только для этих целей. Этим термином предлагаем обозначать логическую схему *«работы»* в исследовании с определенной частью эмпирии. Очевидно, что в отдельном исследовании возникает одновременно множество исследовательских практик.

Тогда можно ввести пятый принцип развития интеграционных процессов, суть которого состоит в обосновании необходимости и возможности классификации исследовательских практик

для сравнительного анализа используемого социологами понятийного аппарата и методов. Такого рода сравнения, с одной стороны, позволят найти инварианты относительно классов практик (в качестве таковых выше были упомянуты экзогенные понятия и основные понятия метаметодики). С другой стороны, сравнения приведут к выводам о возможностях проникновения знаний из одной сферы методологического знания в другую.

Возникает вопрос: «Каковыми могут быть основания классификации исследовательских практик?» Реально выбор ограничен, ибо существуют определенные требования к классификациям, носящим характер теоретической типологии. Первое требование – классов должно быть немного, иначе сравнительный анализ практически невозможен. Второе – все классы должны встречаться на практике. Одно из оснований, отвечающее этим требованиям, исходит из двух типобразующих признаков. Тогда к одному и тому же классу относим практики с одинаковой степенью формализованности данных и с одинаковой спецификой априорных представлений о структуре эмпирического результата.

По первому типобразующему признаку выделяем *неструктурированные* (неформализованные тексты), *слабоструктурированные*¹ (тексты специальным образом организованные) и *жесткоструктурированные* (жестко формализованные) данные. По второму признаку различаем три ситуации: наличие гипотез *описательного* характера, наличие гипотез *объяснительного* характера, *отсутствие* гипотез. Тем самым выделяется девять классов исследовательских практик анализа данных (табл. 1).

¹ Понятие слабоструктурированных данных вводится автором для обозначения данных, например, порожденных методом неоконченных предложений, тестом двадцати самоопределений, фокус-группами со стимульным материалом и т.д. В целом можно утверждать, что существуют различные форматы слабоструктурированных данных.

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК

Типы исходных данных	Типы априорных представлений		
	Практически отсутствуют	Описательные гипотезы	Объяснительные гипотезы
Неструктурированные	<i>Класс 11</i>	<i>Класс 12</i>	<i>Класс 13</i>
Слабоструктурированные	<i>Класс 21</i>	<i>Класс 22</i>	<i>Класс 23</i>
Жесткоструктурированные	<i>Класс 31</i>	<i>Класс 32</i>	<i>Класс 33</i>

Нами было обосновано, что все классы встречаются на практике и эта классификация является основой для изучения специфики «поведения» ряда методов в различных ситуациях [15, с. 34–45]. Возможен также взгляд на эту классификацию и как на одно из оснований математической формализации в социологии [17].

Представляется важным подчеркнуть, что предложенные факторы непосредственно влияют на развитие методологического знания. Они производят знания для внутреннего потребления первым, третьим и четвертым типами исследователей. Но являются и условием разработки готового к потреблению методического «продукта» для второго и пятого типов.

Рефлексия относительно факторов как особый тип метатеоретизирования вписывается в общий контекст дискуссии о понятийном аппарате социологии [18; 19; 20], т.е. в целом о языке социолога. На наш взгляд, в эту дискуссию было полезным включить рефлексию о категории «аналитическая социология».

Использование этого концепта в современных реалиях как метафоры – пример потери смысловой чувствительности понятий (под аналитической социологией понимается любая социологическая интерпретация социальных процессов на основе эмпирических

исследований). Думается, что этот концепт целесообразно трактовать по аналогии с «*аналитической философией*» [21], а именно, как определенного стиля социологического мышления, характеризующегося: строгостью и точностью использованной терминологии, осторожным отношением к широким социологическим обобщениям, всевозможным абстракциям и спекулятивным рассуждениям. Автор статьи не претендует на введение дефиниции аналитической социологии, а лишь подчеркивает, что в социологии важен *процесс аргументации*, и язык, на котором формулируются социологические теории и архитектоника эмпирического исследования, должен рассматриваться не только как средство исследования, но и как *самостоятельный объект исследования*. В отличие от аналитической философии в эту предметную область имеет смысл отнести и метатеоретизирование относительно инструментальных средств эмпирической социологии. Это может привести к повышению смысловой чувствительности понятий, к стилевой модернизации, к возврату весьма полезных понятий (язык социологического исследования, причинный анализ и т.д.), к обозначению границ интеграции и дифференциации методологического знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александр Дж.* Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума / Пер. с англ. И.Ф. Девятко, М.С. Добряковой // Социология: методология, методы, математические модели. 2004. № 18. С. 167–204; № 19. С. 176–200.
2. *Татарова Г.Г.* Методологическая травма социолога: К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3–12.
3. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология / Сост., общ. ред, пер с нем. С.П. Баньковской. М., 2004. С. 70–146. Ч. I.
4. *Штомпка П.* Социология: Анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М., 2005. С. 472–492.
5. *Энтетейн М.* Информационный взрыв и травма постмодерна // Информационное общество: экономика, власть, культура: Хрестоматия. Новосибирск, 2004. С. 183–196. Т. II.

6. *Кравченко С.А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007.
7. *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.
8. *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
9. *Култыгин В.П.* Феминизм в современной социологической теории. М.: ИСПИ РАН, 2005.
10. *Осипов Г.В., Кузнецов В.Н.* Социология и государственность. М.: Вече, 2005.
11. *Толстова Ю.Н., Масленников Е.В.* Качественная и количественная стратегии: Эмпирическое исследование как измерение в широком смысле // Социологические исследования. 2000. № 10.
12. *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований. М., 1995.
13. Lazarsfeld Paul F. on Social Research and Its Language / Ed. by R. Bouton. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1993.
14. *Татарова Г.Г.* Метаметодики анализа данных как средства концептуализации // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2003. С. 75–90.
15. *Татарова Г.Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Издательский дом «Высшее образование и наука», 2007.
16. *Адорно Т.* Типы и синдромы: Методологический подход (фрагменты из «Авторитарной личности») // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 75–85.
17. *Татарова Г.Г.* Классификация исследовательских практик в социологии как основание математической формализации // Математическое моделирование социальных процессов. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 179–201. Вып. 3.
18. *Тощенко Ж.Т.* О понятийном аппарате социологии // Социологические исследования. 2002. № 9.
19. *Романовский Н.В.* О понятийном аппарате современной социологии // Социологические исследования. 2003. № 2.
20. *Медведев В.А.* Проблема понятийных оснований социологического исследования // Социологические исследования. 2004. № 6.
21. Аналитическая философия: становление и развитие: Антология / Под ред. А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги «Прогресс-Традиция», 1998.